

Аркадий Гайдар

Угловой дом

Книга: А.Гайдар. Собрание сочинений в трех томах. Том 3
Издательство "Правда", Москва, 1986
OCR & SpellCheck: Zmiy (zpdd@chat.ru), 13 декабря 2001

- На перекрестки! - задыхаясь, крикнул командир отряда. - Всю линию от Жандармской до Покровки... Сдыхайте, но продержитесь три часа.

И вот...

Нас было шестеро, остановившихся перед тяжелой кованой дверью углового дома. Три раза дергал матрос за ручку истерично звякающего звонка - три раза в ответ молчала глухо замкнувшаяся крепость. И на четвертый, оборвав лязгнувшую проволоку, ударил с досады матрос прикладом по замку и сказал, сплевывая:

- Не отопрут, сволочи, а занять надо. Р-раз! Через забор, ребята!

Исцарапав руки о железные гвозди, натканные рядами, мы через забор пробрались во двор, достали лестницу, вышибли окошко, выходящее в сад. Я первым прыгнул в чужую, незнакомую квартиру, за мной матрос, потом Галька, потом все остальные.

- Вперлись куда-то к бабам в спальню! - пробормотал Степан-сибиряк, с удивлением поглядывая на свои огромные грязные сапоги и на белоснежное одеяло пуховой кровати.

Мы распахнули дверь в следующую комнату и столкнулись с седоватым джентльменом, лицо которого выражало крайнее удивление и крайнее негодование на способ, при помощи которого мы проникли в дом.

- На каком основании вы ворвались в чужую квартиру без согласия ее хозяина? - спросил он. - Будьте добры тотчас же покинуть помещение!

Вопреки обыкновению, матрос не изругался сразу, а вежливо объяснил седоватому джентльмену, что юнкера собираются атаковать революционный штаб и мы имеем огромное и вполне законное желание всеми способами противодействовать этому. Внезапное же появление через окошко со стороны дамского будуара объяснил недостатком времени и невозможностью дозвониться в, очевидно, испорченный звонок.

Но так как это объяснение не показалось удовлетворительным седоватому джентльмену, то матрос загнул особую, припасенную только для торжественных случаев формулу, от которой едва ли не случился обморок с одной из девиц, имевших неосторожность выглянуть из соседней комнаты...

И добавил, что начихать вообще ему на все права, установленные буржуями, тем более что стреляют уже возле Семеновской площади.

Через пять минут все хозяева были заперты в чулан. И матрос стал комендантом крепости.

Я мог бы многое рассказать, что было дальше: как стучали приклады в окованную железом дверь, как разоряли мы белоснежные постели, стаскивая перины и затыкая ими обстреливаемые окна. И как встретила Галька у веранды с пробирающимся к окну юнкером.

И Галька была красива, юнкер был тоже красив. И Галька разбила ему голову выстрелом из нагана, потому что красота - это ерунда, а важно было три часа продержаться на перекрестке до тех пор, пока со станции Морозовки не подойдет сагитированный и взбольшевиченный батальон.

Я мог бы многое рассказать, и мне жаль, что в газетном подвале "Звезды" всего шесть колонок. И потому продолжаю прямо с конца, то есть с той минуты, когда Гальки уже не было, а была только счастливая улыбка, застывшая на мертвых губах ее взбалмошно кудрявой головки, когда Степан-сибиряк и Яшка валялись - должно быть, впервые за всю свою жизнь - на мягком персидском ковре, разрисовывая его кровью, а нас осталось всего трое.

Звякнуло разбиваемое в сотый раз окно, за клубилась пылью штукатурка лепного потолка, заметалась рикошетом пойманная пуля и, обессиленная, упала на мягкий плюш зеленого кресла.

Звякнули в сто первый раз осколки стекла, и стыдливо опустили глаза строгие мадонны, беспечные нимфы раззолоченных картин от залпа особенной ругани, выпущенной матросом, когда рванула контрреволюционная пуля в приклад матросской винтовки, искорежила магазинную коробку.